
Управление пустотой, или особенности властных отношений на межселенных территориях

Л.Е. БЛЯХЕР*, К.В. ГРИГОРИЧЕВ**, И.О. ПЕШКОВ***

***Леонид Ефимович Бляхер** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Константин Вадимович Григоричев** – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, grigoritchev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5256-5658>

*****Иван Олегович Пешков** – PhD, директор, Центр центральноазиатских исследований, Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша, ipeshkov@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0001-8923-1937>

Цитирование: Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Пешков И.О. (2022) Управление пустотой, или особенности властных отношений на межселенных территориях // Мир России. Т. 31. № 3. С. 75–95. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-75-95

Аннотация

В статье рассматривается социальное пространство, более или менее явно выпадающее из системы территориальной организации власти, – межселенные территории, которые с точки зрения властного наблюдателя являются «пустым» пространством. Проанализированы условия, в которых эти пространства оказываются для властного наблюдателя не только «пустыми», но и невидимыми, поскольку статистические наблюдения ограничиваются уровнем поселений, которые здесь отсутствуют.

Таким образом, в межселенных территориях не оказывается объекта управления (население, предприятия, инфраструктура), а содержание системы управления становится бессмысленным. Но, вместе с тем, эти территории остаются частью государства, и возникает необходимость управлять ими. Практики такого удаленного управления определяются в статье как «периферия власти». Последнее представляет собой отнюдь не безвластие, а особый тип властных практик, формирующийся на пересечении формальных и неформальных связей, особый тип мобилизации власти и закона на этих пространствах. В предлагаемой статье рассматриваются управленческие практики по отношению к «пустоте», формирование на периферии феномена обретения населением (и формально присутствующим, и «невидимым») статуса не только объекта, но и субъекта управления, формирования самоуправляющихся сообществ и совместностей.

Ключевые слова: межселенные территории, социальное пространство, «пустота», субъект управления, периферия власти, социальная невидимость

Разработка и применение режима территориальности являются одними из важнейших особенностей власти, во всяком случае власти государственной. Государство всегда связано с территорией, с образами этой территории как некоторой целостности [Замятин 2004]. Более того, упорядочить пространство, сделать различное единообразным – основополагающая задача государства, от успеха которой в свою очередь зависят все последующие управленческие процедуры [Скотт 2011]. И чем более гетерогенным предстает социальный ландшафт страны, тем естественно большие усилия приходится прикладывать государству для его упорядочивания. В этом плане СССР и его наследница Российская Федерация выступают гигантской территориальной проблемой. Составленное из предельно разнородного материала, различающееся по климату, плотности населения, культурной специфике, образу жизни, это пространство постоянно, по крайней мере формально, преобразовывалось в более гомогенное. Точнее, такой была властная интенция. При этом его гетерогенная природа, невозможность приведения всех территорий к единому основанию так или иначе все же проявлялись [Каганский 2011]. Об одном из таких проявлений и пойдет речь в настоящей статье. Мы попытаемся описать особенности неформальных практик, прежде всего управленческих, в отношении одного из вариантов социального пространства, выпадающего из общей логики территориальной организации России, – пространстве межселенных территорий.

За последние десятилетия в Российской Федерации сложилась относительно стройная система территориальной организации. Страна была разделена на федеральные округа, включающие в себя территории субъектов федерации (края, области и республики). Это, по мысли авторов, должно усилить контроль федерального центра над исполнительной властью на территории субъектов федерации [Назаренкова 2014]. Последние же состоят из муниципальных районов, в которые в свою очередь входят поселения, а они могут включать несколько населенных пунктов и составляют низший уровень управления, максимально приближенный к населению. Понятно, что формально-правовая картина территориальной организации страны является не единственно возможной. На пересечении формальных (существующих в виде законов и подзаконных актов) и неформальных практик управления возникает модель «поместной федерации» [Кордонский 2010], продолженная от уровня федерального центра и субъекта федерации до уровня муниципалитета. Здесь в эксплуатацию и управление территорией включаются структуры, формально не участвующие в территориальном управлении, точнее, не выступающие его непосредственными участниками. Возникают объекты управления, имеющие сложную форму привязки к территории и не менее сложные способы взаимодействия с властью, например описанные уже в литературе отходники [Жидкевич и др. 2015]. Тем не менее общие принципы организации остаются прежними.

Однако уже в начальной редакции закона о местном самоуправлении упоминался вариант территории, выпадающий из общей структуры и описываемый понятием «межселенная (невключенная) территория». Такие правовые концепты – вовсе не уникальное изобретение отечественного правоведения: в мировой практике подобные образования имеют место в Германии, США, некоторых других странах, и там речь идет о территориях, по тем или иным основаниям не включенных в состав общины [Ostrom 1972]. Как правило, это территории воинских частей и обслуживающих их поселений, особо охраняемых природных объектов

и т. д. Однако в отечественных реалиях речь идет об иных пространствах. В отличие от опыта Германии, их конституирующей характеристикой выступают не столько природные особенности или уровень секретности, сколько предельно низкий уровень заселенности [Гурина 2015]. Причем настолько низкий, что содержание на этой территории каких-либо управленческих структур представляется просто нерентабельным. Здесь не только мало жителей, но и нет предприятий, которые могут представлять интерес для фискальных служб, нет того, над чем имело бы смысл надзирать. Здесь элементарно нечем и некому управлять, а потому наличные управленческие структуры оказываются избыточными и сокращаются (оптимизируются). Соответственно, полномочия по организации управления на этой территории передаются вышестоящей структуре (администрации муниципального района). Такое положение мы обозначили термином «периферия власти». По сути, речь идет о пространстве, не охваченном поселенческой структурой, о нижнем уровне организации территориального управления в Российской Федерации. На каждом уровне государственного или муниципального управления мы имеем энфорсера (власть) или его агента, имеющего возможность мобилизовать энфорсера, что и создает возможность управления от федерального уровня до уровня поселений.

На этом фоне межселенные территории выступают достаточно специфическим образованием. На них, конечно, распространяются все формальные и легальные нормы государственного законодательства, равно как и полномочия районного уровня местного самоуправления. Но самих структур как таковых, обеспечивающих исполнение законодательства (энфорсеров, власти), здесь нет: опорные пункты МВД, надзорные службы и даже сами муниципальные органы расположены в поселениях и в районных центрах. Здесь, непосредственно на территории, нет ни энфорсера, ни агента, который мог бы легитимно его мобилизовать. Согласно сложившимся представлениям, это так называемые перспективные территории [Волков, Мальков 2008], т. е. территории, где может быть нечто, но пока ничего нет: там могут быть рекреационные пространства, могут быть пространства для создания новых поселений, хозяйственных объектов и т. д. [Добротворская, Дубровский 2015], но все это только предполагается в будущем. Пока же в межселенных территориях есть только фиксируемое статистикой «отсутствие» и неопределенность, в которой где-то проживает какое-то, часто неопределенное, число людей: данные о населении района и области по этой территории различались весьма существенно, как и места расположения этого населения. При этом межселенные территории – это пространство государства, которое так или иначе должно быть охвачено управлением. Особую остроту этот вопрос приобретает в удаленных и труднодоступных территориях, отличающихся не только низкой плотностью населения, но и отсутствием транспортных путей. Как выстраивается управление на таких «пустых» территориях? Кем и по отношению к кому оно выстраивается? Эти обстоятельства мы и попробуем рассмотреть в настоящей работе.

Эмпирическим основанием нашего анализа выступает исследование межселенных территорий в Иркутской области (лидера по числу таких территорий в России по данным Росстата) в 2018 и 2021 гг., где обследовались межселенные территории на стыке Жигаловского и Усть-Кутского районов вдоль р. Лена. Основной метод – наблюдение. В качестве дополнительных методов использовался анализ государственной статистики, ретроспективные неформализованные интервью

с бывшими жителями этих территорий, беседы с информантами, проживающими на исследуемых территориях.

Однако прежде чем перейти к описанию особенностей управления на межселенных территориях как в «пустом» пространстве, стоит определить, что именно мы понимаем под «пустым» пространством, что именно здесь отсутствует, почему это пространство оказывается «пустым».

Межселенные территории как «пустое» пространство власти

Итак, что нам дает основание отождествлять межселенные территории и «пустое» социальное пространство? Здесь можно выделить три обстоятельства. Первое – неоднократно описанный в специальной литературе процесс пространственного сжатия [Трейвиш 2010]. Население России активно мигрирует из малых сел в более крупные и экономически развитые поселения, региональные центры, перетекает в мегаполисы. Это особенно заметно в восточных регионах страны, где долгие годы в рамках «западного дрейфа» происходит отток населения [Мкртчян 2015]. Урбанизация в регионе (при всех различиях в отдельных случаях) во многом связана с радикальным изменением пространственных аспектов развития, вызванным переходом к рыночным моделям экономики и резким сокращением участия государства в социальной сфере. Это приводит к радикальному сужению социальной инфраструктуры до крупных городов и увеличению неравенства в качестве жизни между центром региона и провинцией. С этой точки зрения урбанизация в регионе в значительной степени опирается на поток людей из провинции, которые стремятся получить сокращающийся пакет социальных услуг и образовательных возможностей для детей. Эти «беженцы модерна», несмотря на стигматизирующий образ представителей традиций и отсталости, пытаются интегрироваться в городскую жизнь, используя все возможные формы активов и связей.

Пространства исхода постепенно теряют население, сворачивается производство, деградирует социальная инфраструктура. На каком-то этапе это пространство для власти оказывается невостребованным; расходы на поддержание инфраструктуры власти оказываются выше, чем получаемые доходы, и именно в этот момент и возникают межселенные территории. Иными словами, эти территории в настоящее время просто не интересны власти и не могут быть эффективно контролируемыми. Потом, возможно, ситуация изменится, поэтому они и становятся предметом «планирования на будущее», но пока просто отставлены в сторону. Правда, имеются причины, делающие наступление такого будущего маловероятным.

Второе обстоятельство связано с отмеченным А.Ф. Филипповым восприятием социального пространства любым наблюдателем в качестве текста со специфическим механизмом «считывания социального пространства» [Филиппов 2009]. Понятие «социальное пространство» долгое время находилось в относительном забвении. Предполагалось, что социальное действие происходит во времени, а пространство есть не более чем вместилище тел [Луман 1991]. Даже там, где, как в работах П. Бурдьё [Бурдьё 2005], появлялись пространственные образы, они носили характер метафоры, позволяющей более или менее удобно описать систему социальных статусов. Вопрос о том, где конкретно находится тот или иной со-

циальный актор в рамках такого описания, представлялся просто некорректным. У истоков «пространственного поворота» в социальных науках стояли два интервью Мишеля Фуко (1967 и 1982 гг.) об особенной роли пространства для исследования властных техник. Его тезис о том, что «пространство – это привилегированное место для понимания того, каким образом действует власть» [Фуко 2006], не потерял свою актуальность до сегодняшнего дня. Бурное развитие гуманитарной географии [Замятин 2012] привело к возрастанию интереса к пространственным исследованиям в других общественных науках, тем более что в момент их окончательного оформления (на рубеже XIX–XX вв.) в социологии этот интерес был вполне очевидным, порождая собственных классиков изучения социального пространства [Шютц 2003]. Позже этот интерес сохранялся в работах по социологии города в трудах Р. Парка [Парк 2011], А. Лефевра [Лефевр 2015], Д. Харви [Harvey 2008] и других. Здесь, хотя и в несколько иной связи, были сформулированы идеи, крайне важные для нашей проблематики. Среди них следует выделить активистское прочтение пространственных стратегий как власти, так и общества (производство пространства), локализацию пространственных стратегий в ядре марксистского анализа периферийного капитализма и ключевую роль пространства для понимания специфики режима территориальности.

Социальное пространство и его характеристики предполагают наличие в нем определенного рода объектов и видов социального действия и препятствуют протеканию других. Например, в городской квартире можно устроить огород или животноводческую ферму, но удобнее использовать ее иначе, в качестве жилья определенного типа. Более того, только с этой точки зрения (квартира – место жизни горожанина) данное пространство окажется заполненным, а в качестве огорода или места выпаса оно будет «пустым». Там не оказывается ожидаемых объектов-знаков, которые будут обладать для наблюдателя хоть каким-то смыслом. Иными словами, для наблюдателя пространство представляет собой текст, который может быть считан определенным образом. Невозможность считать текст (отсутствие ожидаемых объектов, иные правила прочтения) и приводит к констатации того, что данное пространство является «пустым».

В нашем случае наблюдателем выступает власть, поскольку именно она распространяет на данные пространства статус межселенных территорий. В представлениях власти, достаточно явно артикулируемых в правоведческих и экономических работах, полнота (освоенность) считается при наличии хозяйственной и административной инфраструктуры, органов управления и т. д. Причем сами хозяйственные структуры вполне определены в двух вариантах: городские – завод, фабрика, социальная инфраструктура, определенный тип зданий; сельские – ферма, используемые в соответствии с кадастром сельхозугодья и т. д. Если ожидаемые объекты не найдены, пространство воспринимается как «пустое», наделяется статусом межселенных территорий, и только наполненное таким образом пространство выступает и осознается в качестве объекта управления. Наличие в данном пространстве чего-то иного, что не может быть считано наблюдателем, не делает его наполненным.

Но есть и третье обстоятельство. Это пространство объективно оказывается невидимым, а «органом зрения» власти выступает статистика. Уровень же поселения оказывается здесь низшим уровнем, на котором статистика продолжает фиксировать реальность. Однако мы пока не задаемся вопросом, насколько адекватна

эта фиксация. Важнее то, что ученное население и иные считаваемые объекты не привязываются к территории конкретного поселения, а приписываются более крупному муниципальному образованию (району) в целом. Учитывая масштаб рассматриваемых нами муниципальных районов на севере Иркутской области (площадь Жигаловского района – более 24,8 тыс. кв. км, Усть-Кутского района – около 34,6 тыс. кв. км), жители межселенных территорий растворяются среди великого Нигде. Такая детерриторизация объекта управления не только делает межселенные территории невидимыми для властного наблюдателя, но и ставит под сомнение эффективность территориальной организации власти как способа управления ими.

При этом межселенные территории уже по переписи 2010 г. перестают быть отечественной правовой экзотикой, охватывая часто до половины пространства субъекта федерации, и располагаются они отнюдь не только в невероятных даях, а зачастую совсем рядом с активно развивающимися поселениями и территориями. Об одной из таких территорий, точнее, об особенностях поведения власти на этих территориях и пойдет речь в настоящей статье. Эта территория и в предшествующий период представляла собой периферию индустриальной цивилизации СССР, периферию власти, но не «пустоту». Процесс трансформации периферии в «пустоту» в отсутствие объекта управления мы и рассмотрим далее.

Межселенные территории по Верхней Лене

С 2018 по 2021 г. авторами статьи была проведена серия исследований (экспедиции, наблюдение, интервьюирование, изучение статистических данных, беседы с информантами) межселенных территорий в Жигаловском и Усть-Кутском районах Иркутской области [Бляхер, Григоричев 2020], расположенных по течению р. Лена в 500–800 км от Иркутска, одного из центров притяжения макрорегиона. Обследование проводилось от п. Усть-Илга Жигаловского района до п. Турука Усть-Кутского района (входит в состав Усть-Кутского городского поселения) водным путем по р. Лена.

Общая протяженность территории вдоль реки, где прежде находились населенные пункты, составляет 320 км. Население (зарегистрированное) на этих территориях в 2012–2020 гг. колебалось от 161 до 187 чел. Хозяйственные объекты, зарегистрированные предприятия на этой территории отсутствуют, равно как и постоянные дороги. Основной трассой выступает р. Лена: летом – на лодках, а зимой по льду реки возможно сообщение с районными центрами; в межсезонье сообщения нет.

Статус межселенных территорий эти пространства получили в 2012 г.; до этого там присутствовала поселенческая структура, хотя и деградирующая. В советский период, на карты которого участники экспедиции ориентировались в ходе предварительного изучения, на территории было отмечено около 30 поселений, в том числе с населением более 1000 чел. (с. Орлинга, п. Боярск). При подготовке к экспедиции в ретроспективных интервью с бывшими жителями этих территорий выяснилось, что в большей части поселений имелись школы, в том числе полные десятилетние, фельдшерские пункты, клубы, почтовые отделения; осуществля-

лась активная коммуникация по р. Лена с районными центрами; в большинстве поселений была организована централизованная подача электроэнергии, имелись котельные. Основным занятием населения являлась охота (охотоведческие хозяйства) и разведение ценных пород пушных животных, а в качестве подсобных видов деятельности выступали огородничество, животноводство, рыболовство, собирательство дикоросов, некоторые другие виды хозяйственной активности. Основное занятие жителей обеспечивало и достаточно высокий образовательный уровень (высшее или среднее специальное образование охотников и охотоведов, специалистов по разведению пушного зверя).

Специфическими для времен СССР оказались и отношения власти/управления: советская власть, как и иные административные органы, на территории была относительно слабой. По воспоминаниям бывших жителей, основной властью являлись представители заготконторы, покупавшие результаты деятельности охотников и собирателей, обеспечивающей не только относительно высокие зарплаты, но и высокий уровень материального снабжения. Особым статусом обладали охотники – элита местного населения: респонденты отмечали, что на участке охотник обладал почти полной властью и свободой действий, ограниченной только необходимостью поставки продукции (пушнины).

В поселениях, расположенных на этих территориях, проживали не только потомки первопроходцев и выпускники охотоведческих факультетов и пединститутов, попавшие сюда по распределению: сюда бежали люди от колхозов, от гиперконтроля советской власти, от идеологического давления. Удаленность, традиционно рассматриваемая как проблема, недостаток, который должен быть преодолен, здесь выступала как ресурс, обеспечивающий относительную свободу жизни. Но следует отметить крайне важный момент: сама возможность такой свободы и ее материальное обеспечение гарантировались государством, свобода же возникала в связи с его удаленностью и незаинтересованностью в контроле. Такую позицию мы и обозначили термином «периферия (не отсутствие) власти». По сути, эта территория для властного наблюдателя представляла собой «черный ящик», где на входе оказались некоторые ресурсы и поддержание социальной инфраструктуры, а на выходе – ценный, в том числе экспортный, продукт, при этом на территории присутствовали все органы управления. Отличие их работы от работы аналогичных структур на иных территориях основывалось на сложной системе неформальных практик, анализ которых не входит в наши задачи. Для нас важнее сам факт наличия территориальной организации и привычных органов управления (советских, партийных). В этом случае речь идет не о «пустоте», а об особых условиях управления, в некотором смысле напоминающих современные условия на северных территориях, контролируемых крупными корпорациями [Лажнецев 2018].

Ситуация начала меняться на закате советской эпохи: удаленная власть, обеспечивавшая местному охотнику статус «хозяина» (самое частое определение в интервью), деградировала и в конце концов исчезла, а «хозяином» стал предприниматель из Усть-Кута, Братска или Иркутска. Соответственно изменился и статус самого охотника: из «хозяина» он превратился в наемного работника, следовательно, снизилось и его вознаграждение. В результате процесс оттока населения, лишь слабо обозначившийся в 1980-е гг., начал стремительно набирать обороты: ветшала социальная инфраструктура; в результате хищнической добычи леса в верховьях рек, притоков Лены [Тангиев 2018] обмелело и основное русло.

Значительное влияние на формирование «пустого» пространства оказало и строительство Байкало-Амурской магистрали. До этого времени именно по р. Лена от п. Качуг через п. Жигалово и далее реализовывался северный завоз, что делало необходимым поддержание условий для судоходства по реке, интенсифицировало навигацию, снижало издержки по поддержанию социальной инфраструктуры на территории. После завершения строительства БАМа северный завоз стал осуществляться от Усть-Кута, и пространство выше города по реке выпало из регулярного потока грузов, что создало трудности по поддержанию социальной инфраструктуры и привело к ее деградации. Следует также отметить, что новые (частные) хозяева предпочитали получать прибыль, не вкладывая при этом никаких средств в развитие территории. В результате отток населения превратился в бегство, тем более что особенно далеко бежать не приходилось: в то время поселок (райцентр) Жигалово стал одним из опорных пунктов по освоению Ковыктинского месторождения с несколькими крупными предприятиями и относительно развитой социальной инфраструктурой. Еще более успешным выглядит г. Усть-Кут: кроме ключевой точки северного завоза в Якутию, центра Верхнеленского речного пароходства, в городе сосредоточены крупные лесопромышленные предприятия и предприятия по нефтедобыче.

Как следствие, легальная хозяйственная деятельность на описываемой территории практически исчезла. В ходе экспедиций было обследовано 29 сел, отмеченных на старых картах и лоциях (в настоящее время поселения здесь формально отсутствуют); в 19 из них никто уже не проживает; на месте четырех селений успел образоваться вторичный лесной покров. Где-то сохранились завезенные в далеком прошлом железобетонные плиты, брошенные баржи, проржавевшие детали тракторов, иные следы исчезнувшей индустриальной цивилизации. В некоторых бывших населенных пунктах остались разрушенные дома, хозяйственные постройки, печи на месте домов, угадывались деревенские улицы.

В населенных деревнях число жителей колеблется от одного (минимум) до 37 (максимум); в большинстве еще «живых» селений насчитывается от одного до пяти местных жителей, и лишь в с. Орлинга и п. Боярск их оказалось больше (17 и 37 чел. соответственно). В населенных пунктах отсутствуют централизованное электроснабжение, водоснабжение, телефонная связь, при этом обнаружено множество заброшенных строений с вывесками «клуб», «магазин» и даже «музей». На протяжении 320 км реки неофициально работают два магазина, в одном из которых продаются только хлеб, водка и закуски, во втором ассортимент несколько шире, но сам магазин открывается лишь «по требованию».

Едва ли не в каждом селении можно обнаружить здание или его остов с вывеской «школа» (в с. Орлинга даже двухэтажное здание); последняя функционирующая школа (в п. Боярск) была закрыта накануне экспедиции, в мае 2021 г. Единственной легальной формой занятости на территории оказались две котельные, закрытие которых предполагается в недалеком будущем, и почтовые отделения в пяти населенных пунктах, выполняющие функции распределительного интернет-центра, службы выдачи пенсий и т. д. На протяжении 320 км не обнаружено ни одного фельдшерского пункта; не оказалось там и власти – должностных лиц, имеющих формально закрепленные полномочия. В двух селах имелся выборный глава, правда, официального статуса у него не было, поскольку отсутствовал

сам статус поселения. Ближайшие сотрудники МВД находились, соответственно, в п. Жигалово или в г. Усть-Кут. В райцентрах располагались и иные представители правоохраны и природоохранных ведомств.

Нельзя утверждать, что власть здесь полностью отсутствует: за время экспедиции авторы несколько раз встречались с сотрудниками МВД, представителями природоохраны. Но, по нашим наблюдениям, такая активность отчасти связана с лесными пожарами и запретом на охоту в этот период. По словам местных жителей, власть присутствует весьма эпизодически. Последнее вполне объяснимо: в отсутствие видимых форс-мажоров (пожаров, наводнений, убийств и т. д.) особого интереса для власти «пустота» не представляет. С другой стороны, именно отсутствие власти задает границы пространства, поскольку в некотором отдалении, на границах территории, власть все же существует.

В целом данное описание воспроизводит классический образец «сжавшегося», «пустого» социального пространства, уже много раз описанного в трудах отечественных обществоведов. Вероятно, оно не представляло бы особого интереса, если бы не случайно обнаруженные в этом «пустом» пространстве люди и объекты.

Невидимки в «пустом» пространстве

Уже в ходе первой экспедиции (2018 г.) в «пустом» пространстве была обнаружена вполне благоустроенная усадьба (отсутствующая в статистических описаниях, но вполне наблюдаемая на снимках из космоса), состоящая из нескольких рядом расположенных крупных строений – хозяйского дома, бани, хозяйственных пристроек, домов для работников и т. д., обеспечивавшихся автономным водоснабжением и электричеством. При этом никаких следов официальной фиксации этой усадьбы обнаружено не было. Фактическим владельцем усадьбы (правда, без формального статуса собственника) оказался предприниматель из областного центра. Подобное строение, расположенное близ крупного города или хотя бы оживленной трассы, выглядело бы вполне обычным местом рекреации (или постоянного проживания) богатого человека. Но речь идет о территории, удаленной от большого города на сотни километров, лишенной дорог, мобильной связи и коммуникаций. Все материалы для постройки и продукты жизнеобеспечения приходилось завозить по зимнику (льду реки). Иными словами, речь идет о баснословно дорогом строении, не имеющем практической пользы, поскольку никакой экономической активности участники экспедиции не обнаружили.

Попытка понять смысл подобного вложения десятков, а, возможно, и сотен миллионов рублей и стала отправной точкой исследования. В ходе подготовки к основной экспедиции было установлено, что описанный кейс отнюдь не уникален; сходные кейсы были отмечены информантами в Хабаровском крае и на Алтае, в ряде других регионов. И в каждом случае общим моментом становились удаленность от крупного города и сосредоточенных в нем контролирующих структур, особый статус места, где расположена усадьба (межселенные или особо охраняемые территории). Таким образом, можно было считать доказанным, что подобное

строительство – не единичный случай, а массовое явление, заслуживающее внимательного изучения [Бляхер, Григоричев 2020].

В ходе основной экспедиции (июнь 2021 г.) это было полностью подтверждено (материалы экспедиции см.: [Bliakher et al. 2021]). На «пустых» территориях были обнаружены шесть подобных усадеб: три полностью построенные и еще три на стадии строительства. При каждой из усадеб проживали работники, строители, сторожа, часто составляя основное население деревень, на порядок превышающее официально зарегистрированных жителей. При этом было совершенно очевидно, что какая-то приносящая доход деятельность в этих усадьбах отсутствует. Кроме собственно усадеб, были выявлены и иные новые или «обновленные» строения несколько иного типа, которые условно могут быть разделены на дачи и заимки. По словам информантов, владельцами заимок, как правило, являются наследники умерших жителей деревни, переселившиеся в райцентры (г. Усть-Кут, п. Жигалово). В случае дач явно выделяются два типа строений, соответствующие двум типам хозяев. Первые – достаточно скромные постройки, часто переделанные деревенские дома; вторые – двух- или полутораэтажные строения (с мезонином) с балконом на реку, значительной отгороженной территорией. Один из информантов определил: *«Первые – как я, предприниматели, а вторые – это бандиты»*. Выяснить, почему вторая категория является бандитами, авторам не удалось; из интервью следовало, что «бандиты» – это люди, которых опасается респондент. При этом и для первых, и для вторых («предпринимателей» и «бандитов») наличие таких дач было не столько местом рекреации, сколько предметом статусного потребления. По словам одного из информантов, привычные дачи (возле райцентров) имеют или ленивые, или бедные, а *«крутые»* владеют дачами и землей именно здесь, в «пустоте». Более того, усадьбы, заимки и дачи существенно отличались от традиционных деревенских строений Сибири. Во-первых, там отсутствовали или почти отсутствовали огороды и иные формы сельскохозяйственной активности; во-вторых, при этих строениях часто имелись беседки и зоны барбекю, не характерные для деревенских домохозяйств. Радикальным переделкам подвергались даже те дома, которые оставались от прежних жителей. Так, в стенах вполне обычных деревенских домов были прорезаны ворота и сходни для въезда внутрь, т. е. дом использовался в качестве гаража для моторной лодки и иной техники, лишь попутно выполняющая роль временного жилища. В некоторых случаях в качестве жилья выступал амбар при доме (проще отапливать), а сам дом использовался в качестве склада и гаража. Иными словами, имело место нечто, похожее на охотничье или рыбацкое зимовье, временное жилье, хранилище орудий и транспортного средства охотника или рыболова, при этом охотничьих или рыболовецких предприятий на территории не обнаружено.

Владельцами дач и заимок, как правило, являлись жители райцентров. Правовой статус их владений определялся там же: в случае заимок речь чаще шла о наследовании; это были «бывшие местные», перебравшиеся в райцентр и обосновавшиеся там. В варианте дач наследование встречалось реже, это была покупка, правда, довольно специфическая. Говорилось не столько о точном определении объекта, переходящего в собственность, сколько о легализации собственного присутствия в «пустом» пространстве. Так, один из владельцев дачи в интервью рассказывал:

«Я тут купил два гектара в деревне Высоково. Да там и нет ничего. Был дом, но его сожгли. Этот дом сжег бывший мэр, который сейчас у вас в Иркутске сидит. А дом хороший. Я думал, его отремонтировать можно. <...> Сейчас там ничего нет. Ну, я подумал – пусть будет» (муж., 32–35 лет, житель г. Усть-Кут, предприниматель).

Следует отметить, что не только в д. Высоково ничего нет – официально нет и самой деревни, как и иных поселений на межселенной территории. Нет дач и заимок, поскольку нет поселений, и уж тем более нет усадеб с многочисленными строениями, обслуживающим персоналом до двух десятков работников, автономным тепло- и электроснабжением (солнечные батареи суммарной мощностью до 100 кВт), спутниковой связью и канализацией. Как показало обследование (там, где это было возможным), из шести усадеб три имели статус базы организации. По крайней мере, именно так было озвучено информантами, правда, они не всегда могли назвать, какой именно организации принадлежит эта база. В одном случае, речь шла о долгосрочном экологическом проекте (зарыбление притока р. Лена, разведение кабанов и маралов), осуществляемом на средства «социально ответственного» бизнесмена, который тем самым получал не только форму легализации в «пустоте» себя (руководителя проекта) и своих работников (смотрителей за рыбой и кабанам), но и фактическую возможность «приватизации» до километра берега реки, где осуществлено зарыбление, и более 30 га земельных угодий для «восстановления популяции копытных животных», проще говоря, уникальные возможности для экзотической охоты и рыбалки. При этом, несмотря на наличие десятков строений, солнечных батарей, сопоставимых по площади с плавательным бассейном, и значительного числа работников, постоянно проживающих в усадьбе и возле нее, официально деревни просто нет, а есть место, где проживает один человек, учтенный в статистике как житель межселенных территорий.

Такое положение, характеризующееся удаленностью власти от места действия, приводит к тому, что эти территории просто выпадают из государственной системы организации и контроля пространства. Но они безусловно есть, и зачастую весьма значительные: так, в Иркутской области более 20 территорий, составляющих около трети всего пространства субъекта федерации, имеют статус «межселенных», на которых проживают люди. Но наличные практики управления, основанные на статистике, в данном случае не работают: здесь отсутствуют инструменты, которые позволили бы включить это пространство в систему привычного, рутинного управления, да и интереса для властных, правоохранных и контрольных служб обращаться к этим пространствам нет. Поэтому оно и становится, в лучшем случае, пространством «перспективного развития, планирования на будущее» [Ковалева, Макурина 2017].

Ситуация осложняется еще и тем, что представители власти тоже живут на этой же территории или близко к ней. Во всяком случае к местным жителям можно причислить представителей районного уровня МСУ, работников МВД, природоохраны и т. п. В силу статуса «местного жителя» они *знают* о том, что «пустое» пространство межселенных территорий заселено. И если владельцы дач и заимок все же временно находятся на обследуемом пространстве и их основное жилье, семьи, источники дохода расположены в райцентре, то работники усадеб проживают

здесь круглогодично, часто по несколько лет, хотя и зарегистрированы в других местах. Так, в беседе с информантом, строителем одной из усадеб, выяснилось, что вся бригада строителей состоит из жителей г. Тулун Иркутской области, который пострадал от наводнения.

«Мы все из Тулуна. Когда город смыло, мы в Иркутск подались. Там уже хозяин нас нанял, отправил сюда базу строить. Здесь все есть, баня есть, вода, свет, телефон спутниковый. Нормально живем. Платит тоже нормально. <...> Сам хозяин на вертолете прилетает. Иногда сам, иногда с гостями. Тут им все: охота, рыбалка, шашлыки. <...> А мы? Мы строим, тут еще работы много» (муж., около 45 лет, строитель).

Конечно, строительство когда-то заканчивается, истекает и срок найма нанятой бригады, при этом в «пустом» пространстве остаются незарегистрированные, но относительно многочисленные жители. Как показывает исследование уже построенных усадеб, строителей сменяет обслуживающий персонал, тоже достаточно многочисленный. Более того, между «местными» и работниками усадеб устанавливаются более или менее регулярные отношения, и это не привычная скупка продукции сельских промыслов горожанами, а вполне осознанная взаимопомощь.

«Ну, мы бабушке (жительнице села – прим. интервьюера) помогаем. Если надо или если попросит. Почему не помочь? Где-то дом обновить, вспахать, если что. И она нам всегда поможет. Разное бывает. Где-то и она помогает. Нормально живем, и люди нормальные» (муж., около 45 лет, строитель усадьбы).

Достаточно спокойное (как к «своим») отношение к работникам в усадьбах и со стороны местного населения, в том числе жителей райцентров, да и к владельцам усадеб отношение, хоть и с некоторой настороженностью («олигархи»), но, скорее, положительное.

«М. (владелец усадьбы – прим. интервьюера) – молодец. Другие себе дома в Европе строят, на теплых морях, а он в родные места вкладывает. До него здесь, считай, ничего не было. Он и церковь построил, дама все. Молодец, одним словом» (муж., пенсионного возраста, единственный официально зарегистрированный житель населенного пункта с усадьбой).

Возникает если не сообщество со сложившимися формами взаимодействия, то, во всяком случае, совместность, группа людей, связанная использованием общих пространств (в нашем случае реки). Такая совместность хорошо известна жителям райцентров (в том числе должностным лицам) как тип отношений, однако она никак не зафиксирована в статистических описаниях.

Но человек (чиновник) не может существовать в разделенном состоянии, в рабочие часы являясь чиновником, а в остальное время – простым жителем района. Именно на этом построена технология присутствия власти на этой территории. Далее мы опишем власть и управление в «пустом» пространстве межселенных территорий с опорой на кейс в Иркутской области. Безусловно, материала для обобщающих выводов категорически недостаточно, тем не менее мы постараемся выдвинуть достаточно обоснованную гипотезу.

Власть в «пустоте», или как формируется «периферия власти»

Отсутствие общей для страны территориальной структуры (поселения как административные единицы, органов МСУ, социальной инфраструктуры и т. д.) не означает полного отсутствия власти в этом пространстве. Уже в первом интервью с информантом, жителем одного из селений, говорилось о женщине-полковнике (*«баба по-нашему»*), начальнице отделения полиции, которая *«ездит на катере с тремя автоматчиками и всех штрафует»*. Однако тот же информант сообщил, что *«в наши дела полиция не лезет, сами разбираемся. Если где-то подрались, пожгли кого, то сами. Вот если убийство или еще чего-то, то тогда уже полковница приезжает»*.

Интересно, что как местный житель женщина-полковник вполне осведомлена об усадьбах на территории. Управляющий одной из усадеб жаловался, что *«хозяин (владелец усадьбы – прим. авторов) сильно ругался»*, когда ее (полковника – прим. авторов) не пустили ночевать в его отсутствие, хотя *«сам же говорил, чтобы чужих не пускали»*. В этом кейсе есть несколько интересных моментов. Во-первых, она как житель района осведомлена о наличии усадеб, возможности комфортного отдыха в них, но как должностное лицо она *«знает»* лишь об экологическом проекте, соответственно, у работников усадьбы появляется возможность ее *не пустить*. Во-вторых, показательно, что для управляющего, постоянно находящегося на территории, она является *«чужой»* (*«чужих не пускать»*), поскольку не проживает в «пустом» пространстве. В то же время для владельца усадьбы женщина-полковник – *«своя»*, необходимый элемент его присутствия в «пустом» пространстве, и как элемент власти она находится и действует удаленно, но именно с ней (удаленной властью) нужно выстраивать отношения, через нее (не только, но в том числе) пытаться легализовать свое присутствие.

Для чего нужна полковник, кроме того, что может доставить неприятности, стало ясно из следующего кейса. По маршруту экспедиции на берегу ручья, впадающего в р. Лена, была обнаружена новая баня, возле которой располагались беседка, мангал и оборудованный спуск к ручью. По материалам опроса, это относительно новая постройка, первую построенную баню сожгли. По свидетельству информанта, со строительства бани в начале 2010-х гг. началось освоение этой территории пришлыми. Относительно многочисленное на тот момент сообщество местных жителей было недовольно этим обстоятельством, решив разобраться с ним привычным способом. Предполагалось, что, как обычно, полиция не станет интересоваться местными неурядицами, однако вышло иначе: состоялось полноценное расследование с реальным наказанием виновных, после чего *«олигархов»*

(владелец усадеб) и их имущество больше не трогали, и построенная новая баня стоит на том же месте, не заперта и никем не охраняется.

Более того, местный житель в процессе обсуждения места для ночной стоянки отговаривал участников экспедиции от предполагаемого пункта, поскольку там «поля олигарха»: «олигарх» не просто ищет возможности легализации в «пустоте» (экологический проект, база для пункта природоохранной структуры и т. д.) – он может мобилизовать закон, привлечь власть в «пустое» пространство. О таком варианте (привлечь, мобилизовать власть) говорил и другой информант в отношении «бандитов». Видимо, такая возможность и делает их элитой среди местного населения, включая не только официальных жителей, но и иных владельцев дач и заимок.

Иными словами, власть существует удаленно, посещает это пространство эпизодически, но в определенных условиях может быть мобилизована. Важнейшим условием мобилизации власти является сохранение специфического статуса «невидимки» для новых жителей территории. Отметим, что самые развернутые формы легализации пребывания в межселенных территориях направлены на сохранение этого статуса. Важнейшим общим признаком местных жителей (и легально проживающих жителей бывших поселений, и новых «дачников», и «олигархов») является то, что они не интересны власти, не видимы для статистики, да и для общественного мнения области. Нарушение этого правила может иметь самые неприятные последствия и для нарушителя, и для других обитателей «пустоты». Так, владельцем одной из усадеб, расположенных на обследуемой территории, был экс-мэр г. Усть-Кут. Судя по размерам и благоустройству усадьбы, строиться она начала до того, как ее владелец стал мэром. То есть, будучи «местным жителем», владельцем ООО «Леналессервис», одного из крупнейших предприятий города, он вел себя как «олигарх», но, получив статус чиновника достаточно высокого в районе уровня, попал в сложное положение. Его легализации в «пустоте» в качестве «олигарха» (*«прикупил пару гектаров»*) – для мэра оказалось недостаточно. В условиях весьма жесткой конкуренции за власть над богатым городом и районом наличие усадьбы и приватизация сельхозугодий вызвали скандал, который привлек внимание не только районной, но и областной власти¹, результатом которого стали продолжающееся до сих пор уголовное дело и годичное заключение под стражу.

Пребывание на исследуемых «пустых» землях «олигарха» при совершении не особенно сложных действий по собственной легализации оказывается вполне допустимым. В то же время нахождение в «пустоте» властного лица, даже руководителя МСУ, ставит под удар и его, и «пустоту», в этих условиях начинается мобилизация власти не внутренним агентом пространства («олигархом», «бандитом», стихийным бедствием), а внешними силами.

Вполне объяснимо, что эта акция разовая, связанная с политическими событиями (выборами главы района), но она выявляет ту позицию, которую власть занимает на этой территории, которую мы и обозначили термином «периферия власти»: власть здесь присутствует удаленно, на расстоянии. Регулярный контроль над пространством в данном случае (в случае межселенных территорий) гораздо дороже, чем все, что в перспективе может это пространство дать. Более того, на

¹ Еременко Е. (2020) Усть-Кут вспыхнул накануне выборов. Мэр города обвиняет чиновников районной администрации в поджогах леса // Коммерсантъ. 29 апреля 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4334431>, дата обращения 29.03.2022.

гигантских территориях востока России такой контроль часто оказывается просто нереальным, в силу чего удаленная форма контроля становится единственно возможной. Но периферия власти не есть безвластие: именно она определяет границы пространств, где ее присутствие возможно лишь в удалении; она допускает / не допускает те или иные формы легализации в этом пространстве; она задает поведенческие границы, переступать за которые видимому и невидимому населению «пустых» пространств настоятельно не рекомендуется; и, наконец, она может быть мобилизована определенными акторами, пребывающими в этом пространстве.

Какой же резон пребывания в «пустоте» новых жителей как временных, так и относительно постоянных? В данном случае стоит обратить внимание на два уровня наблюдения за «пустотой». Первый уровень мы попытались представить выше. Это уровень государства, уровень удаленного наблюдателя, когда мы видим сокращение сети поселений, сжатие социального пространства к крупным центрам, где сохраняется управленческая и властная структура, конденсируются ресурсы. Такой социально-экономический и политический взгляд уже много раз воплощался в конкретных исследованиях [*Флоринская* 2006; *Суслов* 2011; *Плюснин и др.* 2009].

Но возможен и иной взгляд, антропологический, взгляд местного жителя, жителя городка поблизости от «сжавшегося», «опустевшего» пространства. Для него пространство не сжимается, но расширяется. Если в более обжитых землях за пространство у реки, за доступ к охотничьим угодьям ведется борьба, за это платятся большие деньги, то здесь все иначе. Именно в «сжавшемся» пространстве местный житель получает доступ к охоте и рыбалке, сбору лесных дикоросов и многому другому. Причем в условиях дистанцированной власти достаточно жесткие природопользовательские ограничения действуют гораздо мягче, а неформальные правила заменяют собой формальные. Эта перспектива возвращения дееспособности дает возможность пересмотреть реактивную тенденцию действий субъектов политического господства. Проведенный анализ показывает, что принятые дихотомии (власть – общество) во многом затемняют специфику освоения «пустых» территорий. Внимание к практикам освоения и процессуальная перспектива могут в новом свете представить специфику как власти, так и периферийных сообществ. Своеобразное подтверждение находит здесь предложение Мишеля Фуко об императиве размежевания власти и государства: «Анализ в терминах власти не должен постулировать в качестве исходных данных суверенитет государства, форму закона или всеобъемлющее единство некоего господства; скорее всего, напротив, это только терминальные формы такого анализа. Под властью, мне кажется, надо подразумевать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует, <...> под властью следует понимать стратегии <...>, институциональная кристаллизация которых воплощается в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства» [*Фуко* 1996, с. 192].

В данной ситуации справедливым становится вопрос о другой стороне: в чем же интерес власти, что заставляет ее идти на снижение плотности регулирования, тогда как в целом явно доминирует тенденция гиперрегуляции? Является ли власть исключительно заложником складывания ситуации, которую мы обозначаем как «периферия власти»? На наш взгляд, она может рассматриваться не только как ситуация (чем она, безусловно, исходно является), но и как модель организации управления территориями, где нормальное функционирование власти связано с существенными трудностями. Сокращение издержек для реализации власти на этой территории происходит за счет снижения плотности властного регулирования в условиях отсутствия форс-мажоров, власть может не проявляться. Даже властные символы (государственный флаг) становятся не столько внешними атрибутами власти, сколько символической организацией новой системы статусов – «местные, постоянно проживающие» vs «пришлые». Первые легитимизируют присутствие в «пустом» пространстве вторых, и в этом смысле показательно уважительное обращение пришлого «олигарха» к местным пенсионерам [Бляхер и др. 2022]. Обращение к удаленной настоящей власти является *ultima ratio* в конфликтах, связанных с обустройством такой социальной системы. Это позволяет власти не только радикально снизить издержки управления, но и «уходя, остаться», выполняя функции господства на территории без непосредственного присутствия.

Обратной стороной такой модели становится рост субъектности «отсутствующего» населения, репрезентируемый в статусе «хозяина»: хозяином называли владельца усадьбы, при этом управляющую тоже именовали хозяйкой; хозяевами земли, имеющими возможность пустить или не пустить «иркутских», считали себя легальные жители этих мест; хозяевами называли себя владельцы дач и заимок. Но дачи возле райцентра, не говоря уже о пригородах крупных городов, обладают достаточно слабым ресурсом дистанцирования от власти. Здесь же, на периферии, именно жители определяли формы (ре)освоения пространства, формы коммуникации друг с другом.

Фигура «хозяина» становится объективно нужна для такой организации управления территорией, поскольку выполняет функции инициатора, субъекта и главного потребителя социального порядка, гарантом которого и может выступать удаленно действующая власть. Она же, соответственно, является бенефициаром модели «периферии власти». Население, не обладающее статусом хозяина, не заинтересовано на таких условиях во взаимодействии с властью, оно живет либо по правилам «нормальной власти» (подчинение), либо социальной и/или пространственной маргинализацией (уход от власти). Но «хозяин» – это не только объект управления, но и субъект, неизбежный партнер. Не случайно еще советский опыт, отраженный в ретроспективных интервью, показывал в таких пространствах периферизацию собственно органов советской власти.

Однако само это пространство создано и ограничено государством, причем расположено оно не только на просторах востока России, но и на вполне обжитых территориях [Савченко 2005]. Политические трансформации последних лет привели к становлению дирижистского государства, гораздо сильнее стремящегося к тотальному контролю, нежели канувший в Лету СССР. Но этот контроль требует и соответствующих ему ресурсов, и там, где этих ресурсов (людей, средств, управленческой инфраструктуры, коммуникаций и т. д.) не хватает, контроль оказывается невозможным. «Сжатие пространства» – это не только процесс миграции

(сезонной и безвозвратной) из села в город, из малых городов в более крупные; это еще и констатация, что эти (некие) территории не могут быть контролируемы государством, поскольку не хватает ресурсов, и это не рентабельно.

И здесь возникает парадокс: доминирующая система организации взаимодействия власти и сообществ (субъекта и объекта управления) плохо сочетается со складывающейся системой «периферии власти» и неизбежной фигурой «хозяина», что объясняется, с одной стороны, очевидной разнонаправленностью тенденций (гиперрегулирование vs снижение плотности регулирования), а с другой – допустимостью более или менее признаваемой взаимной субъектности. Преодолением парадокса является взаимный уход в тень: пространство формально остается «пустым», а власть его «не наблюдает» и явно присутствует лишь за его пределами. Взаимодействия выстраиваются исключительно на основе неформальных практик или, по крайней мере, на основе «взаимного подмигивания» [Фурман 1994], когда реализуются формальные нормы, но с неформальным содержанием².

Находясь в «пустом» пространстве, выведенном из структуры территориальной организации государства, «местные» обретают то, чего лишено подавляющее большинство жителей страны – статус «хозяина». Иными словами, они оказываются не только потенциальным объектом управления, впрочем, почти невидимым, но и управляющим субъектом, точнее, тем самым существующим на сегодня практически только по названию самоуправлением. По мере того как население будет концентрироваться в крупных городах, число таких территорий станет увеличиваться, а дирижистская власть с гиперконтролем и ресурсами сосредоточится там, где она может себя реализовать, в то время как за пределами центров власти, вполне возможно, начнет разворачиваться другая жизнь. Но это будет уже совсем другая история.

Список источников

- Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. (2020) «Острова в тайге»: формы (ре)освоения «пустого пространства» на востоке России // *Полития*. № 2. С. 158–181. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-158-181
- Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Пешков И.О. (2022) На краю государства: реосвоение пустого пространства на периферии власти (по результатам полевых исследований) // *Полития*. № 2 (в печати).
- Бурдые П. (2005) Социология социального пространства. В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Волков С.Н., Мальков А.В. (2008) Совершенствование классификации территориальных зон для целей управления межселенными территориями // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. № 1. С. 5–13.
- Гурина А.Н. (2015) Особенности использования межселенных территорий в Российской Федерации // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. Т. 3. № 3. С. 175–182.
- Доброворская Н.И., Дубровский А.В. (2015) К вопросу разработки планов освоения межселенной территории для развития Новосибирской агломерации // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. № 3. С. 106–112 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-razrabotki-planov-osvoeniya-mezhselennoy-territorii-dlya-razvitiya-novosibirskoy-aglomeratsii/viewer>, дата обращения 31.03.2022.

² Так, в период экспедиции (в районе г. Усть-Кут) участники были остановлены сотрудниками природоохраны, но благодаря наличию всех разрешительных документов отпущены с миром. В ходе беседы выяснилось, что «местных» почти не «щепляют», поскольку «с них взять нечего, да и проблемы могут быть».

- Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М., Позаненко А.А. (2015) К вопросу о современном отходничестве как преемственной модели жизнеобеспечения российской периферии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. Т. 15. № 2. С. 132–142 // <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/p33k1244hn/159404923.pdf>, дата обращения 31.03.2022.
- Замятин Д.Н. (2004) Власть пространства и пространство власти. М.: РОССПЭН.
- Замятин Д.Н. (2012) Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. № 1. С. 11–26 // http://intelros.ru/pdf/Kult_Geo/2012_1/28-55-1-pb.pdf, дата обращения 31.03.2022.
- Каганский В.Л. (2001) Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение.
- Ковалева О.С., Макурина Ю.А. (2017) Компаративный анализ развития экономики сельских территорий Сибири // Экономика сельского хозяйства России. № 2. С. 56–62.
- Кордонский С.Г. (2010) Россия. Поместная федерация. М.: Европа.
- Лажнецов В.Н. (2018) Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. Т. 14. № 2. С. 353–365. DOI: 10.17059/2018-2-2
- Лефевр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.
- Луман Н. (1991) Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Вып. 1. М.: Прогресс. С. 194–216.
- Мкртчян Н.В. (2015) Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период // Донец Е.В., Чудиновских О.С. (ред.) Современные исследования миграции населения. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 94–111.
- Назаренкова Н.В. (2014) Организация исполнительной власти в РФ, проблема «двойного подчинения» органов исполнительной власти в субъектах Федерации // Социосфера. № 2. С. 223–226.
- Парк Р. (2011) Избранные очерки: Сборник переводов. М.
- Плюснин Ю., Кордонский С., Скалон В. (2009) Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. М.: ЦПИ МСУ.
- Савченко Е.С. (2005) Устойчивое развитие сельских территорий – важнейший фактор улучшения качества жизни населения Белгородской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 8. С. 6–9.
- Скотт Дж. (2011) Благими намерениями государства. М.: Университетская книга.
- Суслов Е.В. (2011) Политическая периферия как территория торжествующего авторитаризма // Политическая наука. № 4. С. 242–244.
- Тагиев М.И. (2018) Формы проявления теневой экономики в лесозаготовительной промышленности и инструменты борьбы с ней // Известия Байкальского государственного университета. Т. 28. № 4. С. 711–718. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).711-718
- Трейвиш А.И. (2010) «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. Материалы XXVII сессии Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). М. С. 16–31.
- Филиппов А.Ф. (2009) Пустое и наполненное. Трансформация публичного места // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 3–16.
- Флоринская Ю.Ф. (2006) Трудовая миграция из малых российских городов как способживания // Социологические исследования. № 6. С. 79–87.
- Фуко М. (1996) Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум.
- Фуко М. (2006) Пространство, знание и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис. С. 215–236.
- Фурман Д. (1994) Несостоявшаяся революция: Политическая борьба в Азербайджане (1988–1993 гг.) // Дружба народов. № 4. С. 148–170.

- Шютц А. (2003) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Bliakher L.E., Grigorichev K.V., Peshkov I.O., Elokhina Yu.V. (2021) The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021 // Northern Archives and Expeditions, vol. 5, no 4, pp. 25–40. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-25-40
- Harvey D. (2008) The Right to the City // New Left Review, October // <https://newleftreview.org/issues/ii53/articles/david-harvey-the-right-to-the-city>, дата обращения 31.03.2022.
- Ostrom E. (1972) Metropolitan Reform: Propositions Derived from Two Traditions // Social Science Quarterly, vol. 53, no 3, pp. 474–493.
-

Managing Emptiness or the Features of Power Relations in Inter-settlement Territories

L.E. BLIAKHER*, K.V. GRIGORICHEV**, I.O. PESHKOV***

***Leonid E. Bliakher** – DSc of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pacific National University”, Khabarovsk, Russian Federation, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Konstantin V. Grigorichev** – DSc of Sociology, Professor, Vice-Rector for Research and International Affairs, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University”, Irkutsk, Russian Federation, grigoritchev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5256-5658>

*****Ivan O. Peshkov** – PhD, Director, Center for Central Asian Studies, University in Poznan, Poznan, Poland, ipeshkov@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0001-8923-1937>

Citation: Bliakher L.E., Grigorichev K.V., Peshkov I.O. (2022) Managing Emptiness or the Features of Power Relations in Inter-settlement Territories. *Mir Rossii*, vol. 31, no 3, pp. 75–95 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-75-95

Abstract

This article deals with the social space that falls beyond the scope of the territorial organization of power—inter-settlement territories—which appears as “empty space” from the point of view of state managers. It analyzes the conditions under which these spaces are not only “empty” but also invisible (in the sense that statistical observation is confined to settlements and no other data is collected for the inter-settlement territories).

In inter-settlement territories, there is no management object (e.g., population, enterprises, or infrastructure), making management meaningless. However, these territories are part of the state and therefore there is a need to manage them. We designated the practices of such remote management with the term “the periphery of power”. The latter is by no means anarchy, but a special type of power practices formed at the intersection of formal and informal ties, a special type of the mobilization of power and law in these spaces. We describe and analyze such practices, including how the population on such territories (both formally present and “invisible”) become subjects and objects of management, and how they form self-governing communities.

The article was received in March 2022.

Keywords: *inter-settlement territories, social space, emptiness, subject of control, the periphery of power, social invisibility*

References

- Bliakher L.E., Grigoriev K.V. (2020) “Islands in Taiga”: Forms of (Re)Development of “Empty Space” in The East Of Russia. *Politeia*, vol. 96, no 2, pp. 158–181 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-158-181
- Bliakher L.E., Grigoriev K.V., Peshkov I.O. (2022) On the Edge of the State: Reclaiming Empty Space on the Periphery of Power (Based on Field Research). *Politeia*, vol. 98, no 2 (in Russian) (in press).
- Bliakher L.E., Grigoriev K.V., Peshkov I.O., Elokhina Yu.V. (2021) The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021. *Northern Archives and Expeditions*, vol. 5, no 4, pp. 25–40. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-25-40
- Bourdieu P. (2005) *Sociology of Social Space*, Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteiya (in Russian).
- Dobrotvorskaya N.I., Dubrovskiy A.V. (2015) Novosibirsk Agglomeration: Elaboration of Plans for Intersetlement Territories Development. *Interexpo Geo-Sibir*, vol. 3, no 3, pp. 106–112. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-razrabotki-planov-osvoeniya-mezhseleynoy-territorii-dlya-razvitiya-novosibirskoy-aglomeratsii/viewer>, accessed 31.03.2022 (in Russian).
- Filippov A.F. (2009) The Empty and the Filled: The Transformation of the Public Place. *Russian Sociology Review*, vol. 8, no 3, pp. 3–16 (in Russian).
- Florinskaya Y.F. (2006) Labor Migration from Minor Russian Towns as a Way to Survival. *Sociological Studies*, no 6, pp. 79–87 (in Russian).
- Foucault M. (1996) *Will to Truth. Beyond knowledge, Power and Sexuality*, Moscow: Magisterium (in Russian).
- Foucault M. (2006) Space, Knowledge and Power. *Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Part 3, Moscow: Praxis, pp. 215–236 (in Russian).
- Furman D. (1994) Failed Revolution: Political Struggle in Azerbaijan (1988–1993). *Friendship of Peoples*, no 4, pp. 148–170 (in Russian).
- Gurina A.N. (2015) Intersetlement Territories in Russian Federation: Features of Use. *Interexpo Geo-Sibir*, vol. 3, no 3, pp. 175–182 (in Russian).
- Harvey D. (2008) The Right to the City. *New Left Review*, October. Available at: <https://newleftreview.org/issues/ii53/articles/david-harvey-the-right-to-the-city>, accessed 31.03.2022.
- Kaganskiy V.L. (2001) *Cultural Landscape and Soviet Habitable Space*, Moscow: New Literature Review (in Russian).
- Kordonskiy S.G. (2010) *Russia. The Manor Federation*, Moscow: Europe (in Russian).
- Kovaleva O.S., Makurina Yu.A. (2017) Comparative Analysis of Economy Development of Siberia’s Rural Territories. *Economics of Agriculture of Russia*, no 2, pp. 56–62 (in Russian).
- Lazhentsev V.N. (2018) Socio-Economic Space and Territorial Development of the North and the Arctic of Russia. *Economy of Region*, vol. 14, no 2, pp. 353–365 (in Russian). DOI: 10.17059/2018-2-2
- Lefebvre H. (2015) *The Production of Space*, Moscow: Strelka Press (in Russian).
- Luhmann N. (1991) Tautology and Paradox in Self-descriptions of Modern Society. *Sociologos*, issue 1, Moscow: Progress, pp. 194–216 (in Russian).
- Mkrtychyan N.V. (2015) Spatial Features of Internal Russian Migration in the Post-Soviet Period. *Contemporary Research of Migration* (eds. Donets E.V., Chudinovskikh O.S.), Moscow: Moscow State University, pp. 94–111 (in Russian).

- Nazarenkova N.V. (2014) Organization of Executive Power in the Russian Federation, the Problem of “Dual Subordination” of Executive Authorities in the Subjects of Federation. *Sociosphere*, issue 2, pp. 223–226 (in Russian).
- Ostrom E. (1972) Metropolitan Reform: Propositions Derived from Two Traditions. *Social Science Quarterly*, vol. 53, no 3, pp. 474–493.
- Park R. (2011) *Selected Essays: A Collection of Translations*, Moscow (in Russian).
- Plyusnin Yu., Kordonsky S., Skalon V. (2009) *Municipal Russia: The Way of Life and the Way of Thinking*, Moscow: TsPI MSU (in Russian).
- Savchenko E.S. (2005) Sustainable Development of Rural Areas as the Most Important Factor in Improving the Quality of Life of the Population of the Belgorod Region. *Economics of Agricultural and Processing Enterprises*, no 8, pp. 6–9 (in Russian).
- Schütz A. (2003) *Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology*, Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (in Russian).
- Skott D. (2011) *Seeing like a State*, Moscow: University book (in Russian).
- Suslov E.V. (2011) Political Periphery as a Territory of Triumphant Authoritarianism. *Political Science*, no 4, pp. 242–244 (in Russian).
- Tagiyev M.I. (2018) Shadow Economy Forms of Manifestation and Tools to Combat it in the Timber Industry. *Bulletin of Baikal State University*, vol. 28, no 4, pp. 711–718 (in Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(4).711-718
- Treyvish A.I. (2010) “Compression” of Space: Interpretation and Models. *Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of Its State Regulation*. Proceeding of the XXVII session of the Economic-Geographical Section of the International Academy for Regional Development and Cooperation (MARS), Moscow, pp. 16–31 (in Russian).
- Volkov S.N., Malkov A.V. (2008) Improving the Classification of Territorial Zones for the Purposes of Managing Inter-Settlement Territories. *Land Management, Monitoring and Cadaster*, no 1, pp. 5–13 (in Russian).
- Zamyatin D.N. (2004) *Power of Space and Space of Power*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Zamyatin D.N. (2012) Humanitarian Geography: Main Directions, Categories, Methods and Models. *Cultural Geography & Geohumanities*, vol. 1, no 1, pp. 11–26. Available at: http://intelros.ru/pdf/Kult_Geo/2012_1/28-55-1-pb.pdf, accessed 31.03.2022 (in Russian).
- Zhidkevich N.N., Plusnin Yu.M., Pozanenko A.A. (2015) Revisiting the Contemporary Otkhodnichestvo as a Traditional Subsistence Pattern in the Russian Province. *Vestnik NSU*, vol. 15, no 2, pp. 132–142. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/p33kl244hn/159404923.pdf>, accessed 31.03.2022 (in Russian).